

Профессионализм историка в исторической культуре первой четверти XXI века

Румянцева М.Ф.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Анализируются критерии профессионализма историка в исторической культуре постпостмодерна.

Цель – эксплицировать те составляющие актуальной исторической культуры, методологически выверенная рефлексия по поводу которых составляет основу профессионализма историка 20-х годов XXI в.

Материал и методы. *Методологическая основа анализа проблемы – неоклассическая феноменологическая концепция источниковедения, основной принцип которой – принцип признания чужой одушевленности, рассматриваемый в единстве эпистемологической и этической составляющих. Базовый концепт исследования – историческая культура, определяемая как система получения и презентации исторического знания, формирования исторических представлений, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников.*

Результаты и их обсуждение. *Выявлены системообразующие составляющие актуальной исторической культуры: философские – постнеклассическая модель науки, социокультурные – глокализация и манипуляционный характер социума постпостмодерна, историографические – процесс ренарративизации.*

Заключение. *Процесс ренарративизации / войны нарративов, сложность которого усугубляется разрывом научного исторического знания и социально ориентированного историописания на фоне продолжающегося процесса фрагментации исторической науки, требует от историка понимание целеполагания в конструировании нарратива / исторической репрезентации, а главное – ответственность историка перед социумом за позиционируемый в общественном сознании нарратив.*

Ключевые слова: *профессионализм, ответственность, профессиональная этика, историческая культура, постнеклассическая наука, ренарративизация, война нарративов, фрагментация.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 81–85)

Professionalism of the Historian in the Historical Culture of the Early 21st Century

Rumyantseva M.F.

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The criteria of the historian's professionalism in the historical culture of post-postmodernity is analyzed.

The aim is to explicate those components of the current historical culture, methodologically verified reflection on which underlies the professionalism of the historian of the 20s of the 21th century.

Material and methods. *The methodological basis of the analysis of the problem is the neoclassical phenomenological concept of source studies, the main principle of which is the principle of recognition of another soul, considered in the unity of epistemological and ethical components. The basic concept of the study is historical culture, which is defined as a system of obtaining and presenting historical knowledge, forming historical representations, characteristic of a certain social and cultural community and presented by a system of types of historiographical sources.*

Findings and their discussion. *The system-forming components of the current historical culture are revealed: philosophical, which is the post-nonclassical model of science, social-cultural, which is the glocalization and manipulative nature of the postmodern society, historiographical, which is the process of renarrativization.*

Conclusion. *The process of renarrativization / war of narratives, the complexity of which is aggravated by the discontinuity between scientific historical knowledge and socially oriented historiography against the background of the ongoing process of fragmentation of historical science, requires the historian to understand the goal-setting in the construction of narrative / historical representation, and most importantly – the historian's responsibility to society for the narrative positioned in the public consciousness.*

Key words: *professionalism, responsibility, professional ethics, historical culture, post-nonclassical science, renarrativization, the war of narratives, fragmentation.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 81–85)

*Нам не дано, увы, узнать,
чем наше слово обернется,
когда последний день прервется...
Нам не дано, увы, узнать.*

Федор Тютчев (1869)

Преподаю в высшей школе не одно десятилетие и постоянно сталкиваюсь с ситуацией, – а в последнее время все чаще, – когда студенты и, между прочим, аспиранты, не только не знают / не понимают, но и, проучившись фактически семь лет (речь об аспирантах первого года обучения), ни разу не задумывались о социальных функциях истории, а значит и о социальной ответственности историка... Перу Владимира Борисовича Кобрин (1930–1990), замечательного советского ученого, входившего в несколько диссидентствующий круг Александра Александровича Зимина (1920–1980), принадлежит книга «Кому ты опасен, историк?» (посмертно изданная в 1992) [1]. Вероятно, этот вопрос заслуживает обсуждения и сегодня, но прежде, по нашему глубокому убеждению, следует ответить на другой вопрос: «Кому и, – главное, – зачем ты нужен историк?» Ответ на этот вопрос, – причем ответ адекватный, точно соответствующий как запросу социума (который, впрочем, сам же историк во многом и формирует), так и актуальной исторической культуре, – неотъемлемая составляющая, а скорее даже основа профессионализма историка, потому что именно понимание смысла своей работы обеспечивает и качественную постановку актуальной проблемы (неслучайно студенты / аспиранты испытывают такие сложности с обоснованием актуальности своих квалификационных работ), и выбор адекватных средств ее решения.

Итак, *исходный тезис* наших размышлений: понимание социальной функции истории и социальной ответственности историка – имманентное свойство его профессионализма, причем как в эпистемологическом, так и в этическом плане при несомненной связи и взаимообусловленности этики и эпистемологии [2]. Естественно, что есть инвариантные критерии профессионализма историка, существующие с момента профессионализации исторического знания в XIX века, но есть и такие составляющие профессионализма, которые если не свойственны исключительно, то актуализируются в разных исторических культурах.

Цель работы – эксплицировать те составляющие актуальной исторической культуры, методологически выверенная рефлексия по поводу которых составляет основу профессионализма историка 20-х годов XXI в. Конечно же, *хронология*, вынесенная в название статьи, очень условна: первая четверть XXI в. еще длится, а начало периода требует обоснования нижней границы актуальной исторической культуры.

Несмотря на очевидную свою значимость, *проблема профессионализма* не часто привлекает внимание историков. Не ставя задачу системно проанализировать имеющуюся литературу, обозначим только репер-

ные точки, ограничив это предметное поле, с одной стороны, книгой французского мыслителя Жюльена Бенда (1867–1956) «Предательство интеллектуалов» (1927) [3], а с другой – работой шведского историка Рольфа Тоштендаля (р. 1936) «Профессионализм и историческое знание» (2014, но включает и статьи 1990–2000-х годов) [4]. Если Ж. Бенда, в условиях нарастающего презентизма в контексте становления неклассической модели исторической науки, ставит вопрос о профессионализме интеллектуала в гносеологически-этической плоскости (что мне близко), то Р. Тоштендаль ограничивается более-менее формальным определением профессионализма историка, акцентируя внимание на складывании дисциплинарных норм. Бельгийский историк Антоон де Баец, предложивший в 2009 г. к обсуждению «Кодекс историка» (из 20 статей), высказал идею разработки теории «злоупотребления историей», отметив социальную опасность такого злоупотребления и актуальность разработки такой теории [5].

Из советских / российских историков нельзя не отметить размышления о профессионализме (в сопряжении с этикой) В.Б. Кобрин в эссе «Опасная профессия» из вышеупомянутой книги и статью Арона Яковлевича Гуревича (1924–2006) об ответственности историка [6]. Оба исследователя обратились к проблеме профессионализма историка и его ответственности в условиях кризиса и смены ориентиров, переживаемых поздней советской и постсоветской исторической наукой.

Материал и методы. Методологическая основа анализа проблемы – неоклассическая феноменологическая концепция источниковедения, восходящая к русской версии неокантианства (А.И. Введенский, 1856–1925; А.С. Лаппо-Данилевский, 1863–1919), основной принцип которой – принцип признания чужой одушевленности, рассматриваемый в единстве эпистемологической и этической составляющих, что принципиально важно для нашей темы. Базовый концепт настоящего исследования, – концепт «историческая культура». Терминологический словарь, подготовленный Институтом всеобщей истории РАН, предлагает определение: «Историческая культура – понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. Историческая культура – та часть культуры, которая связана со временем как сущностным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ» [7, с. 165]. Но в рамках

задействованной источниковедческой парадигмы я бы предложила более простое определение: «Историческая культура – система получения и презентации исторического знания, формирования исторических представлений, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников». При этом важно подчеркнуть, что, в соответствии с используемой источниковедческой парадигмой, историографический источник определяется как произведение «... реализующее функции презентации и позиционирование исторического знания как научного, так и социально ориентированного» [7, с. 209], и – в рамках своего функционала – может пониматься предельно широко: от монографии до художественного фильма на историческую тему.

Что касается границы перехода к новой исторической культуре, то сложность ее определения обусловлена тем, что она может быть по-разному прочерчена в зависимости от того, какую ее составляющую мы признаем базовой / точнее – системообразующей, поскольку здесь наблюдается некоторый разброс, который трудно фокусируется. Составляющие этого перехода рассматриваются чуть ниже, а здесь заявим гипотезу: актуальная историческая культура формируется при выходе из ситуации постмодерна и во многом обусловлена началом процесса ренарративизации примерно с середины 2000-х годов.

Результаты и их обсуждение. Не претендуя, естественно, на сколько-нибудь полное описание актуальной исторической культуры, постараемся выявить ее системообразующие составляющие.

Философская составляющая. Наиболее эффективной интерпретационной схемой осмысления знания, – включая научное, но и не только, – которую нам предоставляет философия науки, является схема смены типов рациональности / моделей науки: классическая – неклассическая – постнеклассическая. В советской / российской философии науки эта проблематика, – правда, по преимуществу, в отношении естественнонаучного знания, – наиболее отчетливо разработана В.С. Стёпиным (1934–2018) и Л.А. Микешинной. Применительно к историческому познанию эта схема детально разработана Анатолием Владимировичем Лубским (1947–2020) [8], хотя мы и не во всем можем с ним согласиться: если А.В. Лубский связывает неоклассическую модель исторической науки с выходом из ситуации постмодерна [8, с. 250], то заявленная нами в качестве методологической основы феноменологическая источниковедческая парадигма заставляет предположить, что неоклассическая модель исторической науки проходит становление параллельно с неклассической (являясь, по сути, альтернативной ей) и фундирована уже в работе Э. Гуссерля (1859–1938) «Философия как строгая наука» (1911). Но не можем не согласиться с А.В. Лубским в том, что неоклассическая модель предлагает альтернативный вариант выхода из ситуации постмодерна, доминирующей мо-

делью науки в котором является наука постнеклассическая, предполагающая, – согласно знаковой работе американского социолога австрийского происхождения Питера Л. Бергера (1929–2017) и немецкого социолога словенского происхождения Томаса Лукмана (1927–2016) по социологии знания (1966), – «социальное конструирование реальности».

Обращение к этой интерпретационной схеме принципиально важно при рассмотрении проблемы профессионализма историка в сопряжении с его социальной ответственностью. Вполне очевидно, что любая модель науки предполагает профессионализм историка, – условно скажем, «первого уровня», – в его работе с историческим источником и конструировании исторического факта на этой основе, но *классическая модель* этим и ограничивается – историку достаточно быть просто профессионально грамотным и добросовестным и в результате он получит знание, которое соответствует «объективной» (то есть не зависящей от исследователя) реальности прошлого, за которую, естественно, историк не может нести ответственность: она такова, какова она есть. *Неклассическая модель* предполагает личностный выбор историка, что провоцирует развитие презентистских подходов в историописании первой трети XX в.: от Бенедетто Кроче (1866–1952) до американского релятивизма Карла Л. Беккера (1873–1945) и Чарлза О. Бирда (1874–1948, президент Американской исторической ассоциации с 1933). И совсем не случайно размышления Ж. Бенда о «предательстве интеллектуалов» находятся в контексте неклассической рациональности. Совершенно очевидно, что социальное конструирование реальности в контексте *постнеклассической рациональности* предполагает радикально иной уровень осознания историком социальной ответственности и, – во взаимосвязи, – иной уровень профессионализма. Подчеркнем, что речь именно об осознании того, что историк конструирует / репрезентирует реальность прошлого (не будем в рамках настоящей работы останавливаться на различении *конструирования* и *репрезентации*, – в данном контексте это непринципиально), а не описывает ее (воспользуемся «словарями исторической науки» Ф.Р. Анкерсмита [9, с. 169–177]), поскольку убежденность историков XIX в., – эпохи господства классической рациональности, – в том, что историк изучает / описывает историческое прошлое «как было на самом деле» (согласно формуле Л. фон Ранке, хотя она и не совсем корректна в русском переводе, но приобрела практически характер идиомы), вовсе не означает, что творцы метанарративов этой эпохи, – от Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева до Огюстен Тьерри и Франсуа Гизо, – не конструировали национально-государственное прошлое.

Социокультурная составляющая. Ситуация постпостмодерна имеет, на наш взгляд, две системообразующие характеристики: (1) переход от глобализации к глокализации, то есть нарастание ценностных и культурных различий между разными социокультур-

ными общностями на фоне продолжающегося до конца 2010-х годов, но, кажется, начинающего затухать процесса глобализации; (2) переход от информационного общества к манипуляционному. Обе эти составляющие фокусируются в трансформацию исторической культуры, существенным для которой, если не определяющим является процесс ренарративизации. В российской общественном дискурсе можно наметить две реперные точки такого перехода, маркирующие создание нового национально-государственного нарратива: функционирование (впрочем, мало-замечное) Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте Российской Федерации (2009–2012) и инициатива Президента Российской Федерации В.В. Путина создания единой линейки учебников истории России для средней школы (2013). Не можем здесь не акцентировать внимание читателя на нашем сугубо положительном, – в отличие от некоторых (многих?) «коллег», – отношении к этим инициативам (попытаемся отделить сами инициативы от не очень удачной, на наш взгляд, реализации), поскольку абсолютно убеждены, что они отвечают как вызовам социума, так и сути актуальной исторической культуры.

Историографическая составляющая. Маркером ситуации постмодерна был кризис доверия к историческому метанарративу, на который обратил внимание французский философ-постструктуралист Жан-Франсуа Лиотар [10, с. 10]. Но уже в конце 2000-х годов, – в новой социокультурной ситуации постпостмодерна, – американский историк (канадского происхождения) Аллан Мегилл дает два варианта ответа на вопрос: обладает ли нарратив собственной познавательной ценностью? Причем, ответ «нет» А. Мегилл рассматривает как все еще наиболее распространенный в сообществе историков, но сам обосновывает ответ «да»: «Роль историописания в конфигурировании наших способов видения мира и жизни в нем действительно существенна <...>. Ответ “Да” заключает в себе тот несомненный факт, что историописание связано со временем историка и его читателей <...> нарратив оценивается по тому способу, которым он передает, облекая в специфические и яркие образы, некоторые важные аспекты нашего совместного бытия в рамках общественного порядка» [11, с. 173, 175].

Процесс ренарративизации осложняется, как минимум, двумя факторами: продолжающейся фрагментацией научного исторического знания (что, вероятно, не требует комментария) и противоборством двух «парадигм» в историческом познании. Второй фактор отмечала Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007) – автор концепции когнитивной истории и концепта «эмпирическая реальность исторического мира»: размышляя в середине 2000-х годов о состоянии профессионального сообщества историков, она характеризовала его через противостояние нарративной логики историописания и истории как строгой науки [12, с. 15–16]. В целом соглашаясь с О.М. Медушевской

(считаю себя ее ученицей и, естественно, принадлежу к той же научной школе), все же позволю себе одно уточнение в связи с проблематикой предлагаемых размышлений: на мой взгляд, речь идет не о противостоянии двух «парадигм», а о разрыве социально ориентированного историописания с его нарративной логикой и строго научного исторического познания, все больше ориентирующегося, – при выходе из ситуации постмодерна, – на неоклассическую модель науки.

И в связи с процессом ренарративизации необходимо упомянуть актуальные (если не сказать модные) для исторической культуры конца XX – первой четверти XXI в. проекты глобальной истории. Конечно, существуют разные подходы к глобальной истории (в частности, перспективным представляется подход, нацеленный на анализ сетевых взаимодействий), но в целом такие проекты реализуются через создание нарративов. И здесь уместно вспомнить предостережение А. Мегилла: «Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу – это попытки навязать интерпретацию. Вполне законно приводить доводы в пользу какой-то отдельной интерпретации как интерпретации. Но это не относится к презентации определенной интерпретации в качестве волшебной нити синтезирования» [11, с. 256–257]. И складывается впечатление (которое, естественно, требует верификации в ходе отдельного исследования), что нацеленная на преодоление европоцентризма всеобщей истории история глобальная этот самый европоцентризм только усугубляет, навязывая иным культурам европейский дискурс.

Заключение. Актуальная историческая культура, сформировавшаяся при выходе из кризиса постмодерна, характеризуется, в первую очередь, процессом ренарративизации / войны нарративов, сложность которого усугубляется оформившимся в ситуации постмодерна разрывом научного исторического знания и социально ориентированного историописания на фоне продолжающегося процесса фрагментации научного исторического знания. И, конечно же, в основе профессионализма во все времена существования профессии историка лежит понимание философских / эпистемологических оснований получения исторического знания, понимание его внутреннего устройства, социальной функции. И главное – ответственность историка перед социумом. В наших условиях профессионализм историка предполагает не замыкаться в «башне из слоновой кости», отдавая создание нарратива на откуп непрофессиональным / малопрофессиональным авторам, а, понимая устройство и функционирование исторического знания, роль нарратива в формировании исторической памяти и, соответственно, коллективной идентичности, реализовывать научный подход к социально ориентированному историописанию, не допуская, или хотя бы минимизируя, «злоупотребление историей». Таким образом, что касается слов Тютчева, вынесенных в эпиграф, то профессиональный историк не должен занимать снобистскую позицию: я получаю чистое знание и не отвечаю

за его использование, а стараться все-таки понять, как отзовется в социуме его слово, оформленное в нарратив, какую историческую память и, соответственно, идентичность, он формирует.

И последнее: вполне очевидно, что предложенная статья – не решение проблемы, а приглашение к дискуссии...

Литература

1. Кобрин, В.Б. Кому ты опасен, историк? / В.Б. Кобрин. – М.: Моск. рабочий, 1992. – 223, 1 с.
2. Румянцева, М.Ф. Этика и эпистемология: «четвертый постулат практического разума» А.И. Введенского / М.Ф. Румянцева // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історик на зламах історії : досвід переживання : [міжвуз. зб. наук. праць] / редкол.: О.І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. – Дніпро : Видавництво «Пороги», 2017. – С. 58–83.
3. Бенда, Ж. Предательство интеллектуалов / Ж. Бенда; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. – М.: ИРИ-СЭН, Мысль, Социум, 2009. – 310 с. – (Сер. Политическая наука).
4. Тоштендаль, Р. Профессионализм историка и историческое знание / Р. Тоштендаль; пер. с англ. А.Ю. Серегинной. – М.: Новый Хронограф, 2014. – 346 с.
5. Баэс, А. де. Злоупотребление историей: границы, определения и исторические перспективы [Электронный ресурс] / А. де Баэс // Гефтер: интернет-журнал. – Режим доступа: https://culturahistorica.org/wp-content/uploads/2020/02/2baets-abuse_of_history_russian.pdf. – Дата доступа: 13.05.2022.
6. Гуревич, А.Я. Двойная ответственность историка / А.Я. Гуревич // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
7. Теория и методология исторической науки: термин. словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аквилон, 2016. – 543 с.
8. Лубский, А.В. Альтернативные модели исторического исследования / А.В. Лубский; отв. ред. Ю.Г. Волков. – М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. – 339 с.
9. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.
10. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шмагко. – М.: «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – 159 с.
11. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
12. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.

Поступила в редакцию 13.05.2022